

УДК 328.36

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА В 1990-е гг.: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ И ПОВОЛЖСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследованы попытки построения устойчивых общероссийских политических партий и движений на исламской основе. Доказано, что создаваемые в 1990-е гг. мусульманские партии и объединения не сумели стать эффективным каналом для политической репрезентации мусульманского населения ни в общероссийском масштабе, ни на поволжском региональном властно-политическом уровне. Мусульманское партийно-политическое строительство было использовано некоторыми активистами в качестве ресурса для рекрутирования в общероссийскую политическую элиту через общедоверительные механизмы.

Ключевые слова: политическая институционализация российских мусульман, мусульманские политические партии, региональные факторы политизации ислама, социальная самоорганизация мусульман.

Party-political Aspect of Politization of Islam in 1990s: Russia and Volga Region Projection

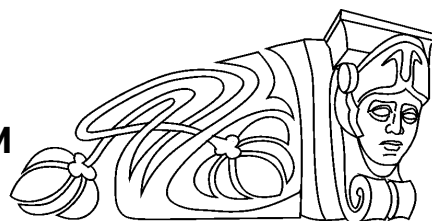
D. G. Mirzakhanov

The paper studies an attempts of building of stable Russian Muslim political parties and movements. The author argues that created at 1990s Islam parties and organizations could not be able to build an effective channels for political representation of Muslim population in whole of Russia as well as at regional political level, mainly at Volga-area. Muslim party building process was used by some political activists as an important resource for recruitment into Russian political elite through federal electoral machine.

Key words: political institutionalization of Russian Muslims, Islam political parties, regional factors of politization of Islam, social Muslim self-organization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208

Институционализация политического участия по мусульманскому признаку в 1990-е гг. происходила в форме создания политических партий и движений. Яркими примерами данной тенденции стала история таких известных исламо-политических структур, как Исламская партия возрождения (ИПВ), движение «НУР», Союз мусульман России (СМР), «Рефах», «Мусульмане России» и др. Однако более существенным результатом можно считать воздействие тех объективных факторов, которые препятствовали объединению отечественных мусульман и созданию фундамента для их политической субъектности.

Целью данной статьи является исследование того, почему различные попытки построить устойчивые общероссийские политические партии и движения на исламской базе, а тем более создать некий общий мусульманский федеральный центр, закончились безрезультатно.

Создаваемые мусульманские партии и движения не сумели стать действенным каналом для политической репрезентации мусульманского населения и мусульманских интересов ни в общероссийском парламенте, ни на региональном властно-политическом уровне, ни в качестве инструмента по мобилизации рядовых мусульман. Скорее можно говорить о том, что мусульманское партийно-политическое строительство использовалось некоторыми активистами в качестве ресурса или трамплина для проникновения в общероссийскую политическую элиту. На этом пути конфессиональная (в данном случае исламская) идентичность оценивалась как более сильный и более перспективный ресурс для политической карьеры по сравнению с этнорегиональным, который в 1990-е гг. многие обоснованно рассматривали как сепаратистский.

Подтверждением данного допущения стала история Исламской партии возрождения. На момент своего создания ИПВ была общесоюзной (в рамках СССР) структурой. Весьма любопытным фактом истории этой партии является то, что первый учредительный съезд партии прошёл в Астрахани 9 июня 1990 г. Произшедший вскоре распад СССР привёл к тому, что на базе ИПВ в постсоветских государствах появились собственные партии этого толка. Что касается России, то ИПВ была зарегистрирована в Дагестане, а оргкомитет партии находился в Москве. Партию возглавили яркие общественные деятели и исламские интеллектуалы. Так, председателем партии и заместителем председателя стали соответственно Ахмедкади Ахтаев и Гейдар Джемаль. Идеологом партии, одновременно выполнявшим функции её пресс-секретаря, был Валиахмед Саур. Партия не ставила своей целью борьбу за власть, выдвинув в качестве главной задачи политическое просвещение для достижения «единства мусульман»¹.

Различной была судьба партии в разных мусульманских регионах России: Северном Кавказе, Москве и Поволжье. На Северном Кавказе сложилось сильное отделение партии. Самый большой политический успех сопутствовал ИПВ в Дагестане, где партия превратилась

во влиятельную политическую силу, а её лидер Ахмедкади Ахтаев одержал победу на выборах в парламент республики. Что касается Москвы и центральной России, то здесь партия, по словам А. Малашенко, превратилась в клуб «нескольких постоянно полемизировавших друг с другом интеллектуалов»². Поволжская история ИПВ оказалась в тени набравших силу суверенизационных процессов в Татарстане и Башкортостане и связанного с ним взлёта тюрко-татарского этнического национализма. Несмотря на усилия таких активистов ИПВ, как саратовский муфтий Мукаддас Бибарсов, по инициативе которого в апреле 1992 г. в Саратове была организована региональная конференция европейской и сибирской фракций ИПВ, сформировать партийные структуры в регионе не удалось. Как уже было сказано, подъём татарского этнического национализма, связанного с Декларацией о государственном суверенитете Татарстана и конфликтом по линии «Москва – Казань», оттеснили проблему мусульманского партийного строительства на периферию общественной жизни. Эти факторы в конечном счёте предопределили уход партии с политической сцены уже в 1994 г.

Как отмечает Андрей Ковальчук, прекратив своё существование, ИПВ, тем не менее, подтолкнула дальнейшую политизацию российского ислама³. В 1995 г. на российской политической арене появились две новые силы: общероссийское общественно-политическое движение «Нур» («Свет») и организация «Союз мусульман России» (СМР). «Нур» было одной из массовых постсоветских мусульманских организаций в России (официально зарегистрирована 9 мая 1995 г.), деятельность которой проходила в 72 регионах и республиках России. Движение было ориентировано на получение электорального результата на выборах в Госдуму в декабре 1995 г. Важной специфической чертой движения была его идеологическая позиция, которая заключалась в решительном отходе и дистанцировании от этнического национализма. По этой причине татарстанское региональное отделение движения не получило поддержки от местных властей и не сумело стать влиятельным игроком местной политики. Что касается общероссийского уровня, то по результатам голосования в Госдуму в декабре 1995 г. «Нур» набрал всего 0,58% голосов, получив 22-е место из 43-х политических объединений, внесённых в общефедеральный партийный список. В Татарстане движение получило 5%, сильно уступив другим известным федеральным партиям (например, КПРФ набрала в республике 22,8%). Такой итог свидетельствовал о том, что в этой республике политические силы исламского толка имеют весьма слабые шансы на победу.

История Союза мусульман России свидетельствует, что исламский аспект партийного строительства не только может сочетаться с общероссийским, но и быть частью последнего.

Другой особенностью формирования данной организации стала частая смена лидеров и борьба за власть с первых месяцев ее создания. История движения началась в мае 1995 г. с конфронтации в г. Сибее (Башкирия), когда организацию в должности генерального секретаря возглавил соратник В. Жириновского А. Халитов. Однако уже в сентябре того же года во время учредительного съезда движения, проходившей в Москве, у данной структуры появился новый лидер – известный саратовский имам Мукаддас Бибарсов. В качестве важнейшего программного пункта СМР заявил о своём желании «добиваться равноправного представительства мусульман во всех областях общественной и политической жизни страны»⁴. Несмотря на такой активный рост, СМР на том этапе не мог участвовать в предстоящих выборах в Госдуму в 1995 г., поскольку не имел регистрации в российском Центризбиркоме. По этой причине СМР примкнул к тогдашней «партии власти» – блоку «Наш дом – Россия» (НДР) бывшего премьер-министра В. Черномырдина. В 1996 г. начался новый этап в истории СМР, когда организацию в должности её председателя возглавил Надиршах Хачилаев – известный лидер лакского национального движения в Дагестане. Политический взлёт Н. Хачилаева был стремительным как на общероссийском, так и северокавказском уровне. В декабре 1996 г. он стал депутатом Госдумы, победив на дополнительных выборах, а в последующие годы стал одним из основных мусульманских политиков радикального толка в России. Как отмечает казанский исследователь Н. Мухарямов, появление во главе СМР таких фигур, как Н. Хачилаев и А.-В. Ниязов, «объективно означал известный вызов прежде всего татарской исламской элите Поволжья, но также и Москвы, и всей России»⁵. Закат СМР был связан с борьбой Н. Хачилаева вместе со своим кланом за власть в Дагестане, в результате которой его сторонники участвовали в вооружённом мятеже в столице республики. Это поставило крест на политической карьере Н. Хачилаева (он был лишён депутатского иммунитета), а также на судьбе партии. Уже за год до этого некоторые лидеры СМР начали понимать, что публично-политический и электоральный ресурс движения исчерпан, и начали интегрироваться в более перспективные, с их точки зрения, политические структуры. Так, А.-В. Ниязов в октябре 1998 г. создал и возглавил движение «Рефах», а в декабре 1999 г. был избран в Госдуму по спискам новой «партии власти» – «Единой России».

Если говорить о конкретных поволжских регионах, то здесь была отмечена одна попытка создания исламской политической структуры. Это общественно-политическое движение «Мусульмане России», которое было создано в апреле 1996 г. в Саратове. Возглавил организацию вышеупомянутый М. Бибарсов. Несмотря на заявленное стремление превратить исламское духовенство в действенную политическую силу, данное

движение не сумело стать общероссийской политической силой. Вместо этого оно смогло реализовать себя только как региональная структура, сосредоточенная лишь на вопросах саратовской мусульманской жизни⁶. Если сравнивать деятельность СМР и «Мусульман России», то становится ясно, что Союз мусульман России стал крупным фактором северокавказского ислама, развернув свою деятельность как в Дагестане, так и среди московских мусульман, в то время как «Мусульмане России» – лишь в Поволжье и в регионах центральной России. Такое разделение исламских политических организаций, по мнению некоторых экспертов, обусловлено «неоднородными психологическими проблемами» мусульман Поволжья и Северного Кавказа. Если для татар и башкир главной проблемой и опасностью представлялась ассимиляция, то для северокавказцев – текущие проблемы трагедии в Чечне⁷.

Необходимо сказать, что к концу 1990-х гг. политическая активность российских этно-мусульман проходила в рамках электорального цикла 1999–2000 гг. Для неё были характерны две особенности. Первая – это был последний этап политической активности на мусульманской основе перед принятием Закона от 11 июля 2001 г., запрещающего создание партий по конфессиональному, профессиональному, этническому, гендерному и другим признакам. Вторая – активность, которая, как отмечалось, была приспособлена под предвыборные задачи и носила коалиционный характер.

В 1999 г. было образовано широкое общественно-политическое объединение «Меджлис», которое включило в себя такие объединения, как «Мусульмане России», «Всероссийский исламский конгресс», «Нур», «Рефах». Объединение возглавил крупный бизнесмен, руководитель компании «Нефтегаз» Леонард Рафиков. Однако блок не стал самостоятельной политической силой, который стремился участвовать в выборах в Госдуму в 1999 г. Вместо этого руководством «Меджлиса» было принято решение идти на думские выборы вместе с партией «Наш дом – Россия». На этих же выборах объединение «Рефах» выбрало для себя ещё более убедительного партнёра – «Единую Россию». Данная стратегия по присоединению к новой «партии власти» принесла наибольший успех: объединению удалось получить 5 депутатских мест. Всего же членами Госдумы стали 12 мусульман.

Принятие вышеуказанного российского закона о политических партиях, в котором прописан запрет на их создание по конфессиональному, гендерному, профессиональному, этническому и другим признакам⁸, сделало невозможным дальнейшее мусульманское партийное строительство в России. Такой поворот событий поставил мусульманских политических активистов в затруднительное положение. Однако некоторые из них пошли по пути «модификации» партийно-политической активности. По сути дела, такое пар-

тийное «переформатирование» явилось продолжением прежней политики по «встраиванию» мусульманских политических структур в более мощные общенациональные объединения. Примером подобной трансформации можно считать учреждение А.-В. Ниязовым на базе организации «Рефах» в 2001 г. так называемой Евразийской партии России. В качестве своей ключевой цели партия объявила «разрешение национального вопроса в России». Однако со временем Евразийская партия России была вынуждена уступить ставшую популярной евразийскую идеологическую нишу влиятельному Общероссийскому политическому движению «Евразия» во главе с популярным идеологом А. Дугиным.

Рассмотрим причины слабой политизации ислама в поволжских регионах.

Почему в Татарстане (как и в других регионах Поволжья) мусульманский фактор не смог превратиться в важный фактор местной политики? Казанский политолог Н. Мухарямов в качестве одной из причин предлагает влияние коммунистического атеистического прошлого, а именно «сугубо светское (точнее, не вероисповедное) состояние общества и его ментальности, и вытекающее из этого качество профессиональной и интеллектуальной подготовки мусульманского духовенства...»⁹. С этим доводом можно согласиться лишь отчасти, поскольку недавнее советское прошлое было одинаково атеистическим для всех народов и регионов России. Значит, существуют сугубо региональные факторы, влияющие на уровень политизации ислама и его формирование как политического субъекта. Здесь необходимо выделить несколько дополнительных причин. Начнём с наиболее очевидных.

Первая причина – татаро-мусульманское население Поволжья намного сильнее интегрировано в российский социум по таким направлениям, как социально-культурное, поселенческое, лингвистическое, поведенческое, научно-технологическое, чем мусульманские группы Северо-Восточного Кавказа. К этому нужно добавить то, что тюрко-мусульманские (татаро-башкирские) элиты республик весьма неохотно показывают собственную религиозность, предпочитая формировать и управлять мусульманской политикой в своих политических интересах. Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев утверждал о своём атеизме. Он не участвовал в молебнах в мечетях, хотя одновременно с этим заявлял о собственной ответственности за развитие ислама в республике.

Вторая причина – скрытое, а иногда явное отчуждение не только тюрко-мусульманских, но и национально-гуманитарных элит Поволжья от «других» мусульман, постановка на первое место в идентификационном ряду этно-языковых проблем. Об этом свидетельствуют как татаро-башкирские разногласия, вызванные статусом татарского языка в Башкирии, так и дистанци-

рование поволжских татар от крымских, а также настороженное отношение к северокавказским и центральноазиатским единоверцам¹⁰.

Существуют менее заметные на первый взгляд, но не менее значимые социальные и институциональные факторы, препятствующие политизации ислама и консолидации мусульманских сил.

Третья причина – невысокий уровень мусульманской социализации и мусульманского политического сознания. Известный казанский политолог, ныне ректор Казанского исламского университета Р. Мухаметшин следующим образом описал проблему: «Мусульмане сегодня просто-напросто ещё не готовы к созданию общественно-политических движений, поскольку у них ещё очень много других – своих внутренних – проблем... Недавний съезд мусульман РТ как раз поставил стратегическую задачу: создать полноценные общины в Республике Татарстан. Если мы говорим, что их нет, то, естественно, ещё рано вести речь о создании религиозных политических движений, отражающих интересы мусульман». Что касается ДУМ РТ, то, на его взгляд, «можно говорить о какой-то степени политизации его деятельности, ещё не выходящей за пределы духовной сферы. Ислам у татар всё ещё остаётся фактором конфессионально-культурной идентификации»¹¹. Данный факт стал предметом сожаления для известного российского идеолога политического ислама Г. Джемаля, который отмечал отсутствие у татар какого-либо содержания в связке по линии «ислам – политика». «Как правило, – писал он, – у татар мусульманская политика и ислам разведены – политика связана с национальным самосознанием, а ислам – с конфессиональным. Но при этом воля к власти и воля к легитимности переживается ими как аспекты некоего этносолидарного плана...»¹²

Четвёртая причина заключается в том, что в современной России присутствуют различные локальные формы мусульманской социально-поселенческой самоорганизации. Мы не будем рассматривать все. Отметим особенности модели Татарстана, которая предполагает «мечетцентричный» принцип формирования мусульманских сообществ и приходов. Это значит, что последние организуются при мечетях, которые строят государство или меценаты. Данная модель разительно отличается не только от дагестанской модели (где мечети строятся при общинах/джамаатах – в сельской местности, и кварталах – в малых городах), но и от самой дореволюционной татарской модели. Бывший зам. муфтия Татарстана В. Якупов делает весьма интересный исторический экскурс. Он отмечал, что в дореволюционный период татарское население жило в особых поселениях, «образуя махалли и строя в них мечети и медресе». Однако в течение советского периода прежний местный поселенческий принцип проживания мусульманского населения сильно

изменился. Он оказался оторван от прежней локально-слободской структуры в виде махалли. В концепции «Ислам и татарский мир», принятой на IV Всероссийском форуме татарских религиозных деятелей, было отмечено, что «выстраивание мусульманских социальных структур носит менее выраженный характер», по сравнению с просветительской работой и возрождением культовых учреждений¹³. Данный факт затрудняет процессы социальной самоорганизации мусульман «снизу», поскольку отсутствуют устойчивые формы локально-мусульманской социализации населения. Формирующиеся сегодня городские приходы, как было уже отмечено, группируются вокруг мечетей. По этой причине они не сформировались как стабильные коллективы, имея лишь формальную природу. В дореволюционный же период, как подчеркивает Якупов, «махалли носили членский характер. Существовал чёткий список членов махаллей, которые поддерживали свои религиозные институты финансами... Мечети пока действуют как ритуальные предприятия, обеспечивающие проведение обрядов по заявкам всех обращающихся...»¹⁴. Что касается постсоветского исламского возрождения в Татарстане, то, несмотря на то, что уставные документы ДУМ РТ предписывают членский (списочный) состав приходов, мусульманские приходы не организованы по членскому принципу¹⁵.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в Татарстане процесс становления местных мусульманских приходов и групп интересов оказался в стадии затянувшейся неопределённости. Отчасти такая ситуация объясняется, как уже было сказано, отсутствием в Татарстане мусульманского институционального строительства «снизу». Интересно отметить, что там, где имело место целенаправленное исламское институциональное строительство в «реставрационном» духе, складывалась отдельная региональная умма, функционирующая как самодостаточный социальный, духовный и культурный организм¹⁶.

Таким образом, создаваемые мусульманские партии и движения так и не стали эффективным средством для политического представительства мусульманских интересов ни на общероссийском, ни на региональном властно-политическом уровнях. Что касается Поволжья, то политические процессы 1990-х гг. в ареале характеризовались следующим важным фактом: мусульманские лидеры и исламские активисты данного региона не сумели стать инициаторами строительства мусульманских партий. Данный факт стал следствием весьма характерной для поволжского исламо-политического развития тенденции: подчинённости и подконтрольности мусульманской элиты республик (Татарстана и Башкортостана) светским властям и курируемым ими националистическим движениям; незначительного электорального потенциала исламских политических структур¹⁷. В силу этих причин

последние не смогли ни получить существенного общественного признания и поддержки в субъектах Федерации, ни стать важным субъектом регионального политического процесса. Имевшие же место шаги по созданию мусульманских партий и движений исходили, главным образом, от политических лидеров и штабов, расположенных за пределами Поволжского региона.

Примечания

- 1 См.: Валиахмед Садур : Законы шариата не распространяются на тех, кто не живёт по этим законам. С членом Совета улемов Исламской партии возрождения, пресс-секретарём партии Валиахмедом Садуром беседует Александр Верховский // Панорама. 1992. № 1 (31), апрель. URL: www.panorama.ru/gazeta/p31ipv.html (дата обращения: 27.10.2011).
- 2 Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М. : Московский центр Карнеги, 1998. С. 134–135.
- 3 См.: Ковальчук А. Исламские общественно-политические объединения в России // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). URL: www.strana-oz.ru/2003/5/islamskie-obshestvenno-politicheskie-obedineniya-v-gossii (дата обращения: 17.01.2008).
- 4 Там же.
- 5 Мухарямов Н. Ислам в Поволжье : политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход : сб. ст. / под ред. К. Мацузато. М. : РОССПЭН, 2007. С. 16–17.
- 6 См.: Малащенко А. Указ соч. С. 142–143.
- 7 См.: Мухарямов Н. Указ. соч. С. 17.
- 8 См.: О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 9. «Ограничения на создание и деятельность политических партий». URL: www.cikrf.ru/law/federal_law/2001_95fz.html (дата обращения: 20.02.2016).
- 9 Мухарямов Н. Указ. соч. С. 23.
- 10 Лидеры поволжского тюрко-татарского ислама даже жаловались федеральным властям на экспансию кавказского и центральноазиатского ислама. Так, во время встречи бывшего представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабича с исламскими деятелями округа пермский муфтий М. Хузин и бывший муфтий Татарстана И. Файзов говорили о масштабном религиозном переселении с Северного Кавказа в Поволжский регион, об угрозах, которые могут представлять диаспоры, о том, что в «волнениях в мечети Кул-Шариф были замечены товарищи с Кавказа, в основном дагестанцы, которые представляют какие-

то силы, негативные силы» (О чем говорят российские муфтии. Отрывок стенограммы встречи полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе с представителями мусульманского сообщества 26 апреля 2012 г., г. Оренбург. URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891 (дата обращения: 28.05.2012)). В. Якупов говорил об угрозе деисламизации татар, чьи мечети «немедленно захватывают более ушлые южные соседи» (Якупов В. Мера ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). Казань : Иман, 2004. С. 25).

- 11 Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. Казань : Иман, 2005. С. 193.
- 12 Джемаль Г. Освобождение ислама. М. : Умма, 2004. С. 199.
- 13 URL: dumrt.ru/ru/concept/ (дата обращения: 12.05.2016).
- 14 Якупов В. Мера ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). С. 38–39.
- 15 См.: Якупов В. М. «Устав»ная литература Духовных управлений мусульман Татарстана – важный источник в изучении новейшей истории мусульманского сообщества Татарстана. Казань : Иман, 2006. С. 25, 52–54, 79. URL: islamrt.ru/book/proekt%20ustava%20DUMRT.pdf (дата обращения: 24.11.2012).
- 16 Такая политика проводилась в Саратовской области руководством Духовного управления мусульман Саратовской и Пензенской областей и его лидером М. Бибарсовым. Это уникальная в своём роде практика, направленная на формирование исламских центров, в которых реализуются образовательные, благотворительные, информационные и другие миссии. Как отмечают местные исследователи, «политика Бибарсова – это последовательная и продуманная попытка реставрации дореволюционного положения татарской мусульманской общины..., попытка воссоздать социальные отношения 19 века» (Филатов С. Религиозная жизнь Поволжья. Прагматичное христианство // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 59–60). Однако за пределами Саратова такое социально-религиозное строительство не имело места.
- 17 Об этом подробнее см.: Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни Татарстана в конце XX века. Казань : Иман, 2000 ; Терентьева Т. В., Беляков Р. Ю., Сафаров М. Ф. Республика Татарстан : политические партии, движения, лидеры : метод. пособие. Казань : Изд-во Аппарата Президента РТ, 2003.

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г. Партийно-политический аспект политизации ислама в 1990-е гг.: общероссийская и поволжская проекция // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 204–208. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208.

Cite this article as:

Mirzakhanov D. G. Party-political Aspect of Politization of Islam in 1990s: Russia and Volga Region Projection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 204–208 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208.